

На Паневе было, на Уланеве,
Жило-было два брата, два Ливика,
Королевских два племянника.
Воспроговорят два брата, два Ливика,
Королевских два племянника:
«Ах ты, дядюшка наш, Чимбал-король,
Чимбал, король земли Литовския!
Дай-ка нам силы сорока тысячей,
Дай-ка нам казны сто тысячей,
Поедем мы на святую Русь,
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир».
Воспроговорит Чимбал, король земли Литовския:
Ай же вы, два брата, два Ливика,
Королевских два племянника!
Не дам я вам силы сорок тысячей
И не дам прощеньица-благословеньица,
Чтобы ехать вам на святую Русь,
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир.
Сколько я на Русь ни езживал,
А счастлив с Руси не выезживал.
Поезжайте вы во землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому:
Там молодцы по спальным засыпались,
А добрые кони по стойлам застоялись,
Цветно платье по вышкам залежалось,
Золота казна по погребам запасена.

Там получите удалых добрых молодцов,
Там получите добрых коней,
Там получите цветно платице,
Там получите бессчетну золоту казну».

Тут-то два брата, два Ливика,
Скоро седлали добрых коней,
Скорее того они поезд чинят
Во тую ли землю во Левонскую,
Ко тому ко городу ко Красному,
Ко тому селу-то ко Высокому.
Получили они добрых коней,
Получили они добрых молодцев,
Получили они цветно платице,
Получили они бессчетну золоту казну.

И выехали два брата, два Ливика,
Во далече-далече чисто поле,
Раздернули шатры полотняные,
Начали есть-пить, веселиться
На той на великой на радости,
Сами говорят таково слово:
«Не честь-хвала молодецкая -
Не съездить нам на святую Русь,
Ко князю Роману Митриевичу на почестный пир».

Тут два брата, два Ливика,
Скоро седлали добрых коней,
Брали свою дружину хоробрую,
Стрельцов удалых добрых молодцев.

Не доедучись до князя Романа Митриевича,
Приехали ко перву селу ко Славскому.

Во том селе было три церкви,
Три церкви было соборных;
Они то село огнем сожгли,
Разорили те церкви соборные,
Черных мужичков повырубили.
Ехали они ко второму селу Карачаеву.

В том селе было шесть церквей,
Шесть церквей было соборных;
Они то село огнем сожгли,
Разорили те церкви соборные,
Черных мужичков повырубили.

Ехали они ко третьему селу самолучшему,
Самолучшему селу Переславскому.

Во том селе было девять церквей;
Они то село огнем сожгли,

Разорили те церкви соборные,
Черных мужиков повырубили,

Полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну,
Со тым со младенцем со двумесячным.

А на той ли на великой на радости
Выезжали во далече-далече чисто поле,

На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Они почали есть-пить, прохладатися.

А в те поры было, в то время
Князя Романа Митриевича при доме не случилось:

А был-то князь за утехою,
За утехою был во чистом поле,
Опочивал князь в белом шатре.
Прилетела пташечка со чиста поля.
Она села, пташица, на белой шатер,
На белой шатер полотняненький,
Она почала, пташица, петь-жупеть,
Петь-жупеть, выговаривать:
«Ай же ты, князь Роман Митриевич!
Спишь ты, князь, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Приехали два брата, два Ливика,
Королевских два племянника,
Разорили они твоих три села.
Во первом селе было три церкви, -
Они те церкви огнем сожгли,
Черных мужичков-то повырубили;
В другом селе было шесть церквей, -
Они те церкви огнем сожгли,
Черных мужичков-то повырубили;
Во третьем селе было девять церквей, -
Они те церкви огнем сожгли,
Черных мужичков повырубили,
Полонили они полоняночку,
Молоду Настасью Митриевичну,

Со тым со младенцем со двумесячным.
А на той ли на великой на радости
Выезжали во далече-далече чисто поле,
На тое раздольице широкое,
Раздернули шатры полотняные,
Едят они, пьют-прохлаждаются».
А тут князь Роман Митриевич
Скоро вставал он на резвы ноги,
Хватал он ножище-кинжалище,
Бросал он о дубовый стол,
О дубовый стол, о кирпичен мост,
Сквозь кирпичен мост о сыру землю,
Сам говорил таковы слова:
«Ах ты тварь, ты тварь поганая,
Ты поганая тварь, нечистая!
Вам ли, щенкам, насмехатися?
Я хочу с вами, со щенками, управитися!»
Собирал он силы девять тысячей,
Приходил он ко реке ко Смородины,
Сам говорил таково слово:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Делайте дело повеленое,
Режьте жеребья липовы,
Кидайте на реку на Смородину,
Всяк на своем жеребье подписывай».
Делали дело повеленое,
Резали жеребья липовы,

Кидали на реку на Смородину,
Всяк на своем жеребье подписывал.
Которой силы быть убиты, -
Тыя жеребья камнем ко дну;
Которой силы быть зранены, -
Тыя жеребья против быстрины пошли;
Которой силы быть не ранены, -
Тыя жеребья по воды пошли.
Вставал князь Роман Митриевич,
Сам говорил таковы слова:
«Которы жеребья камнем ко дну, -
Тая сила будет убита;
Которы жеребья против быстрины пошли, -
Тая сила будет поранена;
Которы жеребья по воды пошли, -
Тая сила будет здоровая.
Не надобно мне силы девять тысячей,
А надобно столько три тысячи».
Еще Роман силушке наказывал:
«Ай же вы, дружинушка хоробрая!
Как заграю во первый након
На сыром дубу черным вороном, -
Вы седлайте скоро добрых коней;
Как заграю я во второй након
На сыром дубу черным вороном, -
Вы садитесь скоро на добрых коней;
Как заграю я в третий након, -

Вы будьте на месте на порядном,
Во далече-далече во чистом поле».
Сам князь обвернется серым волком,
Побежал-то князь во чисто поле,
Ко тым ко шатрам полотняным;
Забежал он в конюшни во стоялые,
У добрых коней глоточки повыхватал,
По чисту полю поразметал;
Забежал он скоро в оружейную,
У оружицев замочки повывертел,
По чисту полю замочки поразметал,
У тугих луков тетивочки повыкусал,
По чисту полю тетивочки поразметал.
Обвернулся тонким белым горностаем,
Прибегал он скоро во белой шатер.
Как скоро забегает в белой шатер,
И увидел младенчик двумесечный,
Сам говорил таково слово:
«Ах ты, свет государыня-матушка,
Молода Настасья Митриевна!
Мой-то дядюшка, князь Роман Митриевич,
Он бегают по белу шатру
Тонким белым горностаем».
Тут-то два брата, два Ливика,
Начали горносталя поганивать
По белу шатру по полотняному,
Соболиной шубой приокидывать.

Тут-то ему не к суду пришло,
Не к суду пришло да не к скорой смерти.
Выскакивал из шубы в тонкой рукав,
В тонкой рукав на окошечко,
Со окошечка да на чисто поле;
Обвернулся горносталь черным вороном,
Садился черный ворон на сырой дуб,
Загрял ворон во первый након.
Тут-то два брата, два Ливика,
Говорят ему таковы слова:
«Ай же ты, ворон черныйй,
Черный ворон, усталыйй,
Усталый ворон, упалыйй!
Скоро возьмем мы туги луки,
Скоро накладем калены стрелы,
Застрелим ти, черного ворона,
Кровь твою прольем по сыру дубу,
Перье твое распустим по чисту полю».
Загрял ворон во второй након.
Воспроговорят два брата, два Ливика:
«Ай же ты, ворон, ворон черныйй,
Черный ворон, усталыйй,
Усталый ворон, упалыйй!
Скоро возьмем мы туги луки,
Скоро накладем калены стрелы,
Застрелим ти, черного ворона,
Кровь твою прольем по сыру дубу,

Перье твое распустим по чисту полю».
Загрял ворон в третий након.
Тут-то два брата, два Ливика,
Скоро скочили они на резвы ноги,
Приходили они в оружейную,
Схватились они за туги луки, -
У тугих луков тетивочки повырублены,
По чисту полю тетивочки разметаны;
Хватились они за оружица, -
У оружицев замочки повыверчены,
По чисту полю замочки разметаны;
Хватились они за добрых коней, -
У добрых коней глоточки повыхватаны,
По чисту полю разметаны.
Тут-то два брата, два Ливика,
Выбегали они скоро на чисто поле.
Как наехала силушка Романова, -
Большему брату глаза выкопали,
А меньшему брату ноги выломали,
И посадили меньшего на большего,
И послали к дядюшке,
Чимбал-королю земли Литовския.
Сам же князь-то приговаривал:
«Ты, безглазый, неси безногого,
А ты ему дорогу показывай!»